

Воспоминанія Н. Леваковскаго.

Гимназія.

Много, много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ, по окончаніи курса, стѣны 1-й Харьковской гимназіи ¹⁾, но воспоминанія о семилѣтнемъ пребываніи тамъ настолько живы, что какъ будто все это было только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Часто и теперь еще, во снѣ, видишь себя опять ученикомъ гимназіи, и различныя событія того времени воспоминаются съ поразительной ясностью и, проснувшись, благословляешь судьбу, что все это видѣлъ только во снѣ. Да, не даромъ давалось мальчику семилѣтнее пребываніе въ гимназіи.

Всѣ педагогическіе приемы того времени сводились (въ Харьковской гимназіи) на зуботычины или вообще—систему „вбиванія знаній“. Вслѣдствіе этого, учащіе и учащіеся представляли собой два враждебныхъ лагеря, готовыхъ ежеминутно вступить въ открытый бой, что дѣйствительно и бывало не разъ. Но между тѣснителями и угнетателями, во образѣ наставниковъ, были и такіе „бичи божіи“, которые смиряли и поработали ввѣренное ихъ заботамъ юношество такъ, что какое бы то ни было сопротивленіе имъ считалось не мыслимымъ, и только усердная молитва предъ приходомъ такого наставника считалась единственно возможной для смягченія гнѣва и слѣдующихъ за нимъ истязаній ни въ чемъ не повинныхъ мальчиковъ. Самое ожиданіе прихода такого педагога приводило дѣтей въ такой трепетъ, что они рѣшительно теряли способность сообразить что-нибудь. Но вотъ является въ классъ наставникъ; дѣти крестятся;

¹⁾ Поступилъ въ гимназію въ 1845 г. Окончилъ въ ней курсъ въ 1852 году.

крестятъ тетради, спѣшно дѣлають нѣсколько крестовъ на скамьѣ, на полу, чтобы защитить себя, какъ отъ злого духа. Наставникъ, случайно, видитъ это и приходитъ въ неопisanную ярость, и прежде нежели окончена молитва предъ началомъ ученія, онъ уже схватилъ кого-нибудь изъ дѣтей, своей костлявой рукой, за волосы, и пучекъ волосъ летитъ на полъ!

— Ты что же это, скотина, выдумалъ отрещиваться отъ меня, какъ отъ чорта! Дерите его, скотину, за уши, приказываетъ онъ сосѣдямъ, да крѣпче, крѣпче!

Несчастный плачетъ, но истязаніе продолжается, пока наставникъ не насытится.

— Поди, Л., обращается онъ послѣ этого къ одному изъ учениковъ, сдѣлай переключку и отмѣть: кого нѣтъ въ классѣ; да смотри, не ошибись, не запиши въ другой графѣ!

Уже этого послѣдняго замѣчанія достаточно для того, чтобы у мальчика, какъ говорится, въ глазахъ зарябило; онъ дѣлаетъ переключку и перваго же отсутствующаго товарища отмѣчаетъ не въ той графѣ журнала, гдѣ слѣдуетъ. Гнѣвъ педагога не знаетъ границъ: онъ подзатыльникомъ гонитъ несчастнаго, сконфузившагося мальчика черезъ весь классъ и посылаетъ вмѣсто него другого. Повторяется та же сцена, и это битье продолжается до тѣхъ поръ, пока какому-нибудь счастливцу, менѣе робкому, или менѣе забитому мальчику не удастся довести процедуру переключки до конца.

Послѣ этихъ, такъ сказать, предварительныхъ приготовительныхъ занятій, начинаются собственно классныя:

— К., поди спроси Б. урокъ.

Оба выходятъ къ доскѣ. К. лучшій ученикъ.

— Что у тебя, скотина, штаны совсѣмъ спадаютъ, озадачиваетъ педагогъ несчастнаго К., у котораго панталоны, сшитыя, по всему вѣроятію, не на него, дѣйствительно сидятъ какъ-то неуклюже. Начинается спрашиваніе урока. Достаточно отвѣчающему провести, писавши дробь, черту не горизонтально, а наклонно, и буря разразилась:

— Мажь ему, скотинѣ, рожу губкой!—командуетъ онъ К., и тотъ безпрекословно обязанъ исполнить это. Озадаченный такимъ педагогическимъ приемомъ, отвѣчающій, разумѣется, окончательно теряется. Слѣдуетъ нещадное битие головой объ доску, вырваніе добраго пучка волосъ изъ головы и постановка на колѣни. Затѣмъ очередь слѣдующаго, рядомъ сидящаго, съ которымъ продѣлывается приблизительно то же самое.

Такъ продолжается до объясненія урока на слѣдующій разъ, или же до конца класса, смотря по расположенію духа.

Но, во всякомъ случаѣ, этимъ дѣло не ограничивается: всѣ поставленные на колѣни записываются на бумажку, которая передается послѣ класса инспектору для расправы съ виновными; а расправа одна: сѣченіе безъ разбора, безъ справки за что.

Неужели это дѣйствительная, а не вымышленная личность, задасть себѣ вопросъ каждый, прочитавшій эти строки въ настоящее время?

Къ несчастію „да“; это бывшій воспитанникъ Педагогическаго Института, человѣкъ, специально подготовленный къ педагогической дѣятельности, учитель математики (сороковыхъ годовъ) 1-ой Харьковской гимназіи, Бернгардтъ!

Но вѣдь ему мѣсто не въ учителяхъ, скажетъ читающій, а въ домѣ умалишенныхъ! Согласенъ. Но посмотримъ чѣмъ и насколько отличается онъ отъ прочихъ своихъ собратій по профессіи.

Системы обученія различнымъ предметамъ гимназическаго курса разнились однѣ отъ другихъ только приѣмами: идетъ урокъ нѣмецкаго языка; учитель, разжирѣвшій на русскихъ хлѣбахъ нѣмецъ, занимается исправленіемъ переводовъ, сдѣланныхъ учениками на дому; переводчикъ—ученикъ стоитъ предъ нимъ; вдругъ, раздается полновѣсная громкая пощечина! Это значитъ въ переводѣ встрѣтилась ошибка, и учитель поправляетъ ее!

Каждая новая ошибка влечетъ за собой тѣ же послѣдствія. Почему такъ нельзя перевести, и какъ именно нужно, это остается для ученика тайной; фамилія описываемаго педагога—Габерландтъ.

Учитель географіи употреблялъ опять своеобразный приѣмъ: являясь въ классъ, онъ бралъ въ руки кусочекъ бумажки, начиналъ его крутить и складывать на всевозможные лады и вполне предавался этому занятію, со страстію, съ увлеченіемъ. Въ это время ученики должны были выходить, по порядку, къ картѣ и отвѣчать урокъ. Что ученикъ отвѣчалъ, учителю до этого не было никакой надобности, лишь бы не останавливался, не молчалъ, потому что за малѣйшую остановку, вслѣдствіе чего бы она ни произошла, но если только вообще ранѣе того, пока учитель скажетъ „довольно“, мальчикъ тотчасъ подвергался карѣ: учитель подходилъ къ отвѣчающему и начиналъ немилосердно щелкать то по правому, то по лѣвому уху. Если ученикъ при этомъ заявлялъ, что онъ знаетъ урокъ, но забылъ

только одинъ терминъ, или же какое-нибудь собственное имя, тогда педагогъ весь обращался во вниманіе: раскрывалъ учебникъ и заставлялъ отвѣчающаго „говорить урокъ съ начала“ слово въ слово по книгѣ; каждое незначительное отступленіе отъ текста влекло новые усиленные поборы и единицу въ поведеніи, за которую неминуемо слѣдовало сѣченіе въ субботу, когда инспекторъ собиралъ изъ всѣхъ классовъ, такъ называемыхъ „единичниковъ“ и приступалъ, при помощи служителей и розогъ, къ исправленію успѣховъ и поведенія учащихся. Учитель рисованія (Савицкій) обучалъ искусству, теребя за виски и таща вверхъ, что производило нестерпимую боль.

Учитель чистописанія (Семигановскій, по прозванію „мальчишка“) для исправленія почерка билъ линейкой по ладони.

Учитель французскаго языка (Монтенакъ) билъ просто кулаками, по чѣмъ попало, не избирая для этого, подобно своимъ товарищамъ, какого-нибудь спеціальнаго пункта.

А сколько приходилось перетерпѣть битья отъ каждаго новаго учителя до тѣхъ поръ, пока ученики усвоятъ его различныя педагогическія приемы: одинъ требуетъ „пожалуйста, руки на столъ!“ И ученикъ, наконецъ, послѣ множества перенесенныхъ наказаній, дѣйствительно убѣждается въ необходимости и пользѣ держанія рукъ на столѣ, въ продолженіе цѣлаго урока. Перемѣняется учитель и требуетъ непременно держанія рукъ подъ столомъ; начинается преслѣдованіе системы предшественника, наказаніе держащихся ея по старой привычкѣ.

Обращеніе съ учениками, подобное описанному, не могло, по крайней мѣрѣ время отъ времени, не вызывать съ ихъ стороны сопротивленія, вслѣдствіе систематическаго раздраженія и преслѣдованія. Дѣло доходило до вооруженнаго сопротивленія. Классъ чистописанія; учитель, сидя на креслѣ предъ столикомъ, видитъ, что одинъ изъ учениковъ, вмѣсто того, чтобы упражняться въ чистописаніи, что-то рассказываетъ своему сосѣду. Учитель подзываетъ къ себѣ, на средину класса и говорящаго и слушающаго, чтобы произвести судъ и расправу. Инструментъ, необходимый для этого, т.-е. линейка, всегда былъ возлѣ него наготовѣ.

— Держи ладонь!—командуетъ онъ нарушителю тишины и порядка въ классѣ.

— У меня руки болятъ!—отвѣчаетъ тотъ, испытавши уже не разъ, на опытѣ, систему обученія чистописанію.

— Держи, говорятъ тебѣ!—настаиваетъ блюститель порядка. Вновь ослушаніе! Тогда педагогъ желаетъ силой заставить

провинившагося исполнить требованіе и схватываетъ виновнаго за руку. Тотъ выдергиваетъ. Слѣдуетъ вторичное нападеніе и такой же отпоръ. Завязывается рукопашный бой, во время котораго ученикъ, окончательно забывшись, схватываетъ стулъ и начинаетъ имъ отмахиваться.

Нападающій уступаетъ, но бѣжитъ къ инспектору; тотъ является въ сопровожденіи нѣсколькихъ служителей; виновнаго арестуютъ, нещадно сѣкутъ и запираютъ въ карцеръ.

Но подобныя столкновенія не всегда оканчивались такимъ образомъ. Иногда, за взятаго въ плѣнъ товарища, вступался цѣлый классъ, завязывалась настоящая битва, имѣвшая, какъ при побѣдѣ, такъ и при пораженіи, непремѣннымъ слѣдствіемъ исключеніе изъ гимназіи нѣсколькихъ человѣкъ.

Памятенъ мнѣ изъ этой эпохи одинъ случай: ожидали пріѣзда Государя въ Харьковъ. Какъ только прошелъ объ этомъ слухъ, начались въ гимназіи приготовленія къ приему: стригли, сѣкли, заставляли дѣлать новые мундиры, выдергивали лишніе зубы; послѣдній приемъ былъ примѣненъ по ниже-слѣдующему поводу. Когда все было уже готово, бдительное начальство, осматривая учениковъ, обратило вниманіе на то, что у одного мальчика, сверхъ всякаго ожиданія, оказались двойные клыки; начальство возмутилось такимъ отступленіемъ отъ формы и, въ порывѣ справедливаго негодованія, рѣшило тутъ же высѣчь виновнаго; но, сообразивши, что сѣченіемъ все-таки не исправишь въ концѣ замѣченнаго недостатка, распорядилось немедленно позвать цирюльника и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, вырвать злополучные зубы. мѣшавшіе порядку и однообразію наружнаго вида учащихъ. Ни слезы, ни мольбы мальчика не въ состояніи были измѣнить рѣшенія начальства, заботливаго о благѣ ввѣренныхъ ему питомцевъ.

Видя такое рвеніе предержащихъ властей, какой скептикъ могъ бы подумать, что все эти приготовленія, какъ говорится, пойдутъ прахомъ, что все труды и заботы пропадутъ даромъ. Но, увы, въ дѣйствительности такъ и вышло! Въ день ожидаемаго пріѣзда, мы были собраны въ гимназію въ 8 часовъ утра, осмотрѣны еще разъ, выравнены и выстроены. Проходитъ часъ, другой, третій: Государь не пріѣзжаетъ въ гимназію! Въ 4 часа (или нѣсколько ранѣе). Опъ идетъ мимо гимназіи, осматриваетъ на площади гарнизонный баталіонъ, возвращается и... проѣзжаетъ мимо гимназіи. Видя это и принимая во вниманіе голодь и усталость учениковъ, начальство рѣшило, что Государь не будетъ въ гимназіи, и распустило учениковъ по домамъ.

На грѣхъ мастера нѣтъ, говоритъ пословица; такъ и тутъ; не прошло и пяти минутъ послѣ отпуска дѣтей, какъ Государь прибылъ въ гимназію и не нашелъ тамъ ни учениковъ, ни начальства! Моментъ былъ, говорятъ, ужасный. Директора и инспектора отправили на гауптвахту.

Потомъ по городу рассказывали такой случай: соскучившись заточеніемъ, гимназическій врачъ (добрѣйшій и безвреднѣйшій старичекъ, И. Н. Рейпольскій) вышелъ погулять на платформу гауптвахты (какъ всегда въ форменномъ вицъ-мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія). Кто-то изъ проходящихъ, желая подтрунить надъ старикомъ, обратился къ нему съ такими словами:

— А что, нашъ левъ, попалъ въ клѣтку?

— Да-а-а, отвѣчалъ ему, всегда находчивый, Рейпольскій, львы иногда попадаютъ въ клѣтку, а вотъ ослы, такъ тѣ всегда ходятъ на свободѣ!

Кромѣ битья на разные манеры, съ цѣлью возможно болѣе прочнаго насажденія знаній, интересную особенность гимназическаго строя разсматриваемой эпохи составляли: и цензора и аудиторы. „По причинѣ“ благонравія и прилежанія, я обыкновенно несъ ту и другую обязанности, за то, опять таки, въ концѣ концовъ, былъ битъ, но уже не наставниками, а товарищами. Сказанныя особенности (т.-е. цензорство и аудиторство) заключались въ нижеслѣдующемъ: число учениковъ въ классахъ (особенно въ низшихъ) въ то время было необыкновенно велико: отъ 80 до 90; причина этого та, что о параллельныхъ классахъ въ губернскихъ гимназіяхъ въ описываемую эпоху не имѣли и понятія, а запрещенія оставаться въ одномъ классѣ болѣе извѣстнаго числа лѣтъ также не существовало; поэтому нѣкоторые сидѣли въ классѣ года по три, по четыре и, достигши лѣтъ 17, 18-ти и давно уже брея бороду, выходили изъ гимназіи не далѣе, какъ изъ второго класса.

Естественно, что при такой численности учениковъ, учителю не легко было справляться съ ними; поэтому и находили необходимымъ назначать, такъ сказать, ассистентовъ во образѣ „старшихъ“ или „цензоровъ и аудиторовъ“. Назначеніе „цензоромъ“ дѣлалось инспекторомъ и падало всегда на такъ называемыхъ добронравныхъ и прилежныхъ учениковъ.

Назначеніе это ставило избранное лицо между двухъ огней: съ одной стороны начальство взыскивало за каждый недосмотръ, съ другой—товарищи не прощали, если на кого-нибудь изъ

нихъ приходилось указывать какъ на нарушителя тишины и порядка. Положеніе, по истинѣ, безвыходное, какъ это, напр., можно видѣть изъ нижеслѣдующаго: кончился урокъ, учитель вышелъ изъ класса и до прихода слѣдующаго—антрактъ въ 5 минутъ; какъ только наставникъ переступилъ порогъ, въ классѣ начинается нѣчто невообразимое: всѣ 90 человѣкъ кричатъ, стараясь заглушить одинъ другого, нѣкоторые, пользуясь свободной минутой, борются, засидѣвшись долго на мѣстѣ, иные сводятъ какіе-нибудь старые счеты и дерутся по-настоящему.

Старшій, обязанный блюсти порядокъ, старается водворить тишину; но, разумѣется, всѣ его попытки напрасны, и вотъ онъ записываетъ, на клочкѣ бумаги фамиліи особенно буйныхъ. Если начальство не заблагоразсудитъ зайти въ это время въ классъ, все оканчивается благополучно: приходъ учителя усмиряетъ шумящихъ, начинается урокъ, во время котораго, особенно если учитель строгъ, старшему наступаетъ полюбѣйшій отдыхъ.

Но если во время такой шумной перемѣны уроковъ, является инспекторъ, онъ требуетъ записку „кто шумѣлъ“, уводитъ виновныхъ и сѣчетъ; а тѣ, по возвращеніи, на слѣдующей же перемѣнѣ, отмщаютъ кулаками старшему за понесенное наказаніе.

Въ такомъ случаѣ, самое лучшее, какъ можетъ подумать недостаточно знакомый съ дѣломъ, никого не записывать на злосчастную бумажку; но на дѣлѣ выходило не такъ: въ подобныхъ случаяхъ, старшій, какъ не исполнившій своей обязанности, самъ подлежалъ тому наказанію, какому подвергали записанныхъ имъ буйновъ.

Вспоминая прошлое, всѣ эти безчисленные случаи быть высѣченнымъ ни за что, ни про что, я до сихъ поръ не могу достаточно надивиться—какимъ образомъ я избѣгъ этого страшнаго и позорнаго для меня наказанія! Это, по-моему, такой же рѣдкій и счастливый случай, какъ тотъ, когда участвовавшій въ нѣсколькихъ жаркихъ сраженіяхъ остался все-таки ни разу не раненъ!

Обязанности старшаго продолжались и во время урока въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель находилъ это нужнымъ, т.-е. если расточаемыхъ имъ потасовокъ все-таки было недостаточно для умиротворенія буйной толпы; тогда старшій опять вооружался злосчастной бумажкой и записывалъ фамиліи разговаривающихъ.

Не легче была и аудиторская обязанность.

Аудиторы назначались самими учителями изъ лучшихъ учениковъ и обязанность ихъ состояла въ выслушиваніи уроковъ до прихода учителя и подачи этому послѣднему списка объ успѣхахъ ввѣренныхъ ему питомцевъ (а такихъ давалось 4—5). Здѣсь опять, стало быть, ученикъ невольно становится между двухъ лагерей—между учителемъ и товарищами.

Особенно много горя причиняли аудиторамъ „столпы класса“—17-ти, 18-ти-лѣтніе юноши, изъ которыхъ, какъ сказано выше, многіе брили бороды, и которые, всѣ поголовно, ничего не дѣлали. Зачѣмъ они оставались въ гимназіи, я и до сихъ поръ не могу понять, но уже во всякомъ случаѣ не съ той цѣлью, что-бы чему-нибудь выучиться! Сидя по нѣскольку лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ, они, какъ будто, срослись съ нимъ, съ гордостью смотрѣли на проходившую, ежегодно, мимо ихъ мелюзгу (какъ они называли временныхъ своихъ товарищей) и упорно отказывались учить что-нибудь. Когда учитель вызывалъ такого „старичка“ съ тѣмъ, чтобы спросить у него урокъ, то, въ такихъ случаяхъ, „старичекъ“, не вставая съ мѣста, а такъ только, нѣсколько пошевелившись на немъ и, показывая видъ, что хочетъ встать, произноситъ густымъ басомъ: „не готовился“! получалъ нуль и успокаивался до слѣдующаго спрашиванія. Наказанія на нихъ не дѣйствовали ни мало, и каждый изъ нихъ давно уже потерялъ счетъ полученныхъ имъ въ гимназіи розогъ

Послѣ каждой новой экзекуціи, они являлись въ классъ какъ ни въ чемъ не бывало, садились на обычное мѣсто и продолжали свое безконечное сидѣніе, какъ бы въ ожиданіи наитія свыше. Легко себѣ представить всю неестественность отношеній мальчика-аудитора къ такимъ многоопытнымъ мужамъ, порученнымъ его надзору!

Подобныя личности въ настоящее время перешли въ разрядъ мнѣическихъ, поэтому я позволяю себѣ остановиться на нихъ еще нѣкоторое время. Представьте себѣ, напр., нижеслѣдующую сцену: осень; идетъ послѣбобѣденный урокъ (отъ 3¹ до 5 час.) французскаго языка; классъ слабо освѣщенъ нѣсколькими сальными свѣчами; учитель, зная твердо „что сказала Калипсо Телемаку при отъѣздѣ его“¹⁾ и одолѣваемый послѣ-

¹⁾ Въ то время, книгой для перевода съ французскаго языка на русскій было „Странствованіе Телемака“.

обѣденной дремотой, безъ вниманія слушаетъ переводъ. Старики, соскучившись сидѣтъ на мѣстахъ и будучи мужами многоопытными, заранѣе приготовили себѣ шинели, разостлали ихъ позади скамеекъ, перешли подъ скамьями въ этотъ заранѣе приготовленный уголь, разлеглись на шинеляхъ и играютъ въ карты.

Изъ всего непригляднаго сонма педагоговъ описываемаго времени, въ воспоминаніи рѣзко выступаетъ личность, не похожая на прочихъ; это наставникъ Закона Божія, протоіерей Лебедевъ. Онъ пользовался нашею любовію за его человѣческое отношеніе къ намъ. П. И. въ продолженіе всей своей службы въ гимназій, въ полномъ смыслѣ слова, не тронулъ никого пальцемъ; мало того: мы не слыхали отъ него ни разу, не только ругательнаго, но даже грубаго слова. Я живо, до сихъ поръ, помню его благообразную (апостольскую) фізіономію, съ кроткимъ выраженіемъ и всегда опущенными глазами. Но глаза эти, намъ казалось, видѣли насъ насквозь. Въ этомъ свѣдѣніи насъ убѣждало между прочимъ то, что от. Л—въ, никогда несмотря на сидящихъ противъ него учениковъ, всегда видѣлъ, если кто-нибудь изъ нихъ начиналъ шалить. При этомъ виновный наказывался постановкой въ уголь на нѣсколько минутъ (эта мѣра наказанія въ то время никѣмъ другимъ не практиковалась, потому, вѣроятно, что считалась слабой, а поэтому мало дѣйствительной); происходило это обыкновенно такъ: замѣтивши шалуна, от. Л—въ обращался ко всему классу, или, вѣрнѣе, не обращаясь ни къ кому собственно и, какъ всегда, смотря внизъ, спрашивалъ:

— Есть у насъ въ классѣ такой-то?

Слѣдуетъ отвѣтъ:

— Есть!

— Пусть онъ станетъ въ уголь!

Виновный уже зналъ за что и отправлялся по назначенію. Черезъ нѣсколько минутъ за этимъ слѣдовало:

— Пусть такой-то оставитъ уголь и займетъ свое мѣсто!

Виновный садился и не было случая, что-бы наставнику приходилось въ тотъ же самый урокъ прибѣгать вновь къ той же мѣрѣ наказанія. Нерѣдко, впрочемъ, мы и пользовались добротой о. Л-ва.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ то время объясненіе урока учителемъ было неизвѣстнымъ, вѣрнѣе, не практиковавшимся приѣмомъ; дѣло велось просто: учитель бралъ учебникъ, ученики раскрывали свои книги, на соответствующей страницѣ,

и начиналось „отмѣчаніе урока“, т.-е. указаніе учителемъ, какія слова и строки можно пропускать, какія необходимо выучить.

Отмѣченное и составляло урокъ на слѣдующій разъ. „Отмѣчанія эти изъ года въ годъ были одни и тѣ же, по прошлогодней книжкѣ. Вотъ тутъ-то и начинались безконечныя разглагольствованія, благодаря снисходительности наставника, а время между тѣмъ шло.

— Отмѣтите: „и сказалъ І. Хр....“

— Батюшка, въ прошломъ году это „и“ пропускали! заявляетъ кто-нибудь изъ оставшихся въ классѣ на другой годъ, желая затянуть дѣло.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть!—серіозно заявляетъ наставникъ.

— Ей Богу, батюшка, пропускали! чуть не умоляющимъ голосомъ заявляетъ второгодникъ.

— Нѣтъ, завѣряетъ вновь наставникъ.

— Вы вслушайтесь: „и сказалъ І. Х....“ „Нѣтъ, безъ и нельзя“!

— Нѣтъ „и“ выпустить не возможно! серіозно заявляетъ о. Л-въ и отмѣчаніе идетъ далѣе, до какого-нибудь слѣдующаго „и“.

При воспоминаніи объ о. Л-вѣ, мнѣ всегда приходитъ на память случай, не имѣющій собственно никакой прямой связи съ нимъ. Это смерть одного изъ товарищей по классу. Я такъ живо помню всю обстановку, всѣ малѣйшія обстоятельства этого событія, что кажется, это было на-дняхъ. Рѣзкость впечатлѣнія зависитъ, можетъ быть, оттого, что это былъ первый случай смерти, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться, болѣе или менѣе сознательно лицомъ къ лицу.

Былъ май мѣсяцъ. Погода стояла восхитительная, какая только бываетъ въ это время на югѣ. Въ классѣ невыносимо душно; воздухъ наполненъ дымомъ какой то смолы, которую курили при каждой перемѣнѣ урока, какъ говорили тогда, „для очищенія воздуха“ или, вѣрнѣе, для того, чтобы сдѣлать его окончательно негоднымъ для дыханія. Идетъ урокъ французскаго языка. Кто-то изъ учениковъ, чуть не по складамъ, старается передать по-русски, съ французскаго текста, всю грусть, какую Калипсо испытывала по отъѣздѣ отъ нея Улисса; на сидящихъ въ классѣ также нападаетъ тоска, хотя совершенно по другой причинѣ: въ окно видно нѣсколько кустовъ акаціи, растущихъ за боромъ; воробьи унизали деревцо и подняли

ужасный шумъ, какъ бы стараясь перекричать одинъ другого заявленіемъ: „живъ, живъ, живъ!“

На окно прилетѣла откуда то бабочка и бьется о стекло своими разноцвѣтными крылышками. Какъ бы хотѣлось подойти осторожно къ кусту и ближе посмотрѣть, что такъ ажитируетъ воробьевъ и нельзя ли, пользуясь ихъ возбужденнымъ состояніемъ, поймать, хотя одного, изъ увлекающихся! Какъ хотѣлось бы схватить эту бьющуюся о стекло бабочку! И при томъ, это такъ легко... но это только желанія и вдобавокъ, совершенно неисполнимыя! Учитель и такъ уже ругательски ругаетъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, недостаточно внимательныхъ учениковъ, придавая имъ эпитеты, въ родѣ: „ассіоль“ и тому подобное. Но вотъ входитъ въ классъ „надзиратель“ (гувернеръ) и объявляетъ, что урокъ конченъ. Учитель уходитъ; мы недоумѣваемъ. Слѣдуетъ распоряженіе: „взять книги и фуражки и идти!“.

— Куда, Андрей Ивановичъ, куда? спрашиваемъ мы чуть не всѣ въ одинъ голосъ; но надзиратель, какъ подобаетъ начальству, продолжаетъ хранить молчаніе и приказываетъ слѣдовать за собой. Мы охотно исполняемъ это такъ какъ покидаемъ ненавистный классъ съ его ненавистнымъ казеннымъ запахомъ и идемъ, построившись предварительно рядами, по два, на улицу. По дорогѣ мы узнаемъ, что умеръ одинъ изъ нашихъ товарищей, и насъ ведутъ проводить его на кладбище. Мы приходимъ къ какому то небольшому домику, не далеко отъ окраины города; начальство наше входитъ въ этотъ домикъ, а мы остаемся на улицѣ, разсматривая, отъ нечего дѣлать, незнакомую мѣстность. По временамъ изъ домика долетаетъ до насъ протяжное церковное пѣніе; но вотъ отворились двери, и первое, что мы увидѣли—это знакомое намъ лицо о. Л-ва, въ черной ризѣ; потомъ, нѣсколько большихъ церковныхъ подсвѣчниковъ, за ними гробъ и въ немъ знакомое намъ лицо нашего товарища, котораго мы видѣли въ послѣдній разъ въ гимназій нѣсколько дней тому назадъ. Онъ лежалъ въ гробу въ своемъ мундирчикѣ съ краснымъ воротникомъ, но выраженіе лица, его желто-восковой цвѣтъ, были уже не тѣ, что прежде. Это былъ уже не тотъ рѣзвый мальчикъ, котораго мы знали; это было какое то строгое, серьезное, равнодушное подобіе его. Мы, невольно, сразу, приутихли всѣ и сняли фуражки; процессія медленно двинулась, и мы, молча, подъ вліяніемъ какого то новаго, до сихъ поръ неизвѣстнаго чувства, пошли въ слѣдъ за ней. Постепенно и незамѣтно для насъ мы вышли,

наконецъ, за городскую черту, въ поле. Обстановка измѣнилась: пустынная улица смѣнилась полемъ; строгаго—серьезнаго лица покойника не видно, и впечатлѣніе, такъ нечаянно охватившее насъ, исчезло! Мы забыли, почему мы здѣсь, забыли, куда идемъ; мы чувствовали только, что вырвались на волю, что мы вдыхаемъ полной грудью чистый, живительный воздухъ! А кругомъ, на землѣ и въ воздухѣ кишитъ цѣлый міръ насѣкомыхъ; за склономъ горы вьется синей лентой рѣчка, убѣгая куда-то далеко, далеко! Да какъ же тутъ не изгладиться впечатлѣнію, какъ бы оно тяжело ни было!

Понемногу, незамѣтно отстали мы отъ процессіи, разбрелись въ разныя стороны и въ этотъ день позднѣе обыкновеннаго явились домой.

Огромное вліяніе на гимназическій строй разсматриваемаго времени имѣли попечители округовъ. Личный взглядъ начальствующаго лица, его отношеніе къ дѣлу давали то, или другое направленіе дѣйствіямъ лицъ, подчиненныхъ имъ. Поэтому, въ продолженіе семилѣтняго пребыванія моего въ гимназіи мнѣ пришлось испытать, такъ сказать, три режима, соотвѣственно тремъ попечителямъ, бывшимъ въ этотъ промежутокъ времени Головкинскій, Долгоруковскій и Кокошкинскій.

Поступивши въ гимназію, я засталъ конецъ управленія округомъ попечителя Головкина. Онъ былъ въ это время уже дряхлый, больной, разслабленный старикъ, не выходившій изъ дома. Поэтому мы никогда не видѣли его, но, тѣмъ не менѣе, до насъ доходили нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ; мы знали, напр., что онъ очень добрый старикъ, что онъ любитъ дѣтей; что студентовъ называетъ не иначе, какъ „мои студенты“. При этомъ мы не могли понять только одного: какимъ образомъ онъ, любя дѣтей, позволяетъ тиранить ихъ такъ немилосердно, какъ тиранили насъ?

А дѣло объяснялось, собственно говоря, очень просто: числясь попечителемъ, Головкинъ, по старости и дряхлости, предоставилъ дѣло собственному, такъ сказать, теченію и далъ этимъ возможность каждому педагогу дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, какъ Богъ на душу положитъ. Произволу способствовало далѣе то, что директоръ и инспекторъ, слѣдуя вѣянію свыше, также не утруждали себя заботами о ввѣренныхъ ихъ попеченію питомцахъ, предоставляя дѣлу идти такъ, какъ оно идетъ.

Доказательствомъ ревностнаго отношенія начальства гимназіи къ дѣлу можетъ служить, напр., то, что я увидѣлъ ди-

ректора въ первый разъ, только перешедши во 2 классъ и то благодаря перемѣнѣ режима: умеръ Головкинъ, и на мѣсто его былъ назначенъ князь Долгоруковъ (бывшій въ то время харьковскимъ генераль-губернаторомъ). Съ перемѣной попечителя, гимназическіе порядки быстро и радикально измѣнились. Я не знаю, послѣдовали ли какія-нибудь распоряженія отъ новаго попечителя ¹⁾, но мы легко и скоро замѣтили, что наше непосредственное начальство не можетъ равнодушно произносить имени новаго попечителя и страшно боится его, а скоро узнали и разгадку этого. Педагогическій совѣтъ гимназій, заботясь о чистотѣ зданія, распорядился, чтобы учениковъ не допускать въ классы до звонка (т.-е. до 9 часовъ утра). Поэтому большая часть мальчиковъ, явившись въ гимназію, напр., за 1/2 часа до начала уроковъ, должна была оставаться прямо на улицѣ, часто подъ дождемъ и снѣгомъ. Однажды мы стоимъ такимъ образомъ у крыльца гимназій, въ ожиданіи впуска, и видимъ ѣдетъ кн. Долгоруковъ. Поровнявшись съ нами, онъ остановился и спросилъ:

— „Почему вы нейдете въ классъ?“

Мы отвѣчали, что „насъ не пускаютъ“!

— Позвать мнѣ инспектора!—скомандовалъ генераль, сидя въ коляскѣ.

Явился инспекторъ.

— Ты почему не пускаешь дѣтей въ классъ?— грозно спросилъ генераль.

— Педагогическій совѣтъ постановилъ такимъ образомъ, смиренно отвѣчалъ инспекторъ.

— Да я тебя вмѣстѣ съ совѣтомъ выброшу въ окошко!

— Пустить!

Мы были впущены, но главное мы были свидѣтелями описанной сцены, показавшей намъ мощь попечителя, его энергическое заступничество за насъ и ничтожество въ его глазахъ инспектора и всего педагогическаго совѣта.

Мы убѣдились, что этотъ попечитель дѣйствительно любить дѣтей. Расскажамъ и комментаріямъ о событіи дня не было конца, и мы пришли къ заключенію, что если князь обратилъ серьезное вниманіе на такое, повидимому, незначительное обстоятельство, какъ держаніе дѣтей подъ дождемъ, то навѣрное онъ не позволитъ истязать насъ безъ всякаго повода, и рѣши-

¹⁾ Ходили слухи, что князь прислалъ бумагу, строго запрещающую бить учениковъ.

лись въ случаѣ надобности, прибѣгнуть подъ его сильную защиту, а пока пользоваться его именемъ. Дѣйствительность превзошла ожиданія: имя князя оказалось магическимъ! Разсвирѣпѣвшій безъ всякаго повода учитель укрощался при заявленіи ученика о томъ, что онъ пойдетъ съ жалобой къ князю. Самые строптивые наставники при этомъ имени моментально измѣнялись. Вотъ образчикъ: учитель только-что собрался поднять ученика за виски на воздухъ.

Ученикъ, видя грозящую опасность, смѣло заявляетъ:

— Вы не смѣете драться: я скажу князю!

Учитель опускаетъ руки и, топая ногами, кричитъ:

— Пошелъ, скотина, на мѣсто! Смѣешь ты грозить мнѣ!

Ученикъ благополучно садится на мѣсто. Истязаніе оставлено.

Для того, чтобы обрисовать отношеніе попечителя къ непосредственному нашему начальству, я передамъ слѣдующую сцену: пріѣзжаетъ въ гимназію Долгоруковъ; его встрѣчаетъ дежурный старшій надзиратель (онъ же учитель географіи), С. И. Кованько. Попечитель, посмотрѣвши на него какъ-то особенно презрительно-гадливо, обращается съ вопросомъ, указывая при этомъ пальцемъ на фізіономію Кованько.

— Что это такое?

Тотъ, смекнувши, что онъ давно не бритъ и, желая оправдать такое упущеніе по службѣ, отвѣчаетъ:

— У меня рожа, Ваше Сіятельство!

— Да я это вижу!—рѣзко отвѣчаетъ генераль; но почему она не брита?

При этомъ необходимо прибавить, что несчастный Кованько былъ, какъ говорится, обиженъ природой и красотой не отличался.

Другой случай не менѣе типиченъ: князь осматриваетъ помѣщеніе гимназіи; его сопровождаетъ кто то (кажется, инспекторъ). Въ одной изъ комнатъ была сложена старая мебель, такъ какъ другого помѣщенія, по причинѣ тѣсноты, не нашлось. Князь, видя, что двери заперты, спрашиваетъ сопровождавшаго его:

— Что это значитъ?

Непосредственное наше начальство, окончательно растерявшись и желая сказать: „помѣщеніе гимназіи очень тѣсно, *мѣста мало*“, отвѣтилъ на вопросъ князя:

— Мѣло маста!

— Что? грозно переспрашиваетъ князь.

— Маста мѣло! поправляется начальство.

— Да ты совсѣмъ дуракъ, или только съ придурью? недоумѣваетъ Долгоруковъ.

Такимъ образомъ, благодаря заступничеству за насъ попечителя, въ его управленіе округомъ, мы вздохнули свободнѣе, но, къ несчастію, не на долго: нашъ защитникъ-попечитель скоро умеръ, и дѣло пошло по-прежнему. Какъ только разнеслась вѣсть о смерти князя, съ начальства нашего какъ будто спалъ гнетъ.

— Ну теперь васъ вздернуть! заявлялъ съ какимъ-то злорадствомъ каждый изъ наставниковъ, являясь въ классъ.

— Теперь не пойдешь жаловаться князю!

И эти зловѣщія предсказанія сбылись.

Сообщ. О. Н. Леваковская.

